CHEKHOV I EGO TVORCHESTVO

N. N. Karpov

UNIVERSITY MICROFILMS, INC.
Ann Arbor London

84585

OP 8469

THIS "O-P BOOK" IS AN AUTHORIZED REPRINT OF THE ORIGINAL EDITION, PRODUCED BY MICROFILM-XEROGRAPHY BY UNIVERSITY MICROFILMS, INC., ANN ARBOR, MICHIGAN, 1964

Н. Н. Карповъ.

Чеховъ и его творчество.

Этюдъ.

Изданіе автора.

Цѣна 40 коп.

СПБ. 1904 г.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ. 28 Августа 1904 г.

Типографія А. Тырина. Торговая, 30.

А. П. Чеховъ.

(1860 † 1904.).

F203-371122

Н. Н. Карповъ.

Чеховъ
и его
творчество.

Чеховъ и его творчество.

ЭТЮДЪ.

I.

. . . . Тѣ, которые будутъ жить черезъ сто, двѣсти лѣтъ послѣ насъ, и для которыхъ мы теперь пробиваемъ дорогу, помянутъ ли насъ добрымъ словомъ? . . .

«Дядя Ваня» А. П. Чеховъ.

Ужасный годъ!.. Смерть витаетъ надъ опечаленной Россіей, похищая въ свою обитель все новыя и новыя жертвы... Всюду трауръ и скорбь въ сердцахъ... Теряя талантливыхъ, дорогихъ, нужныхъ Россіи людей, нельзя не плакать!...

Умеръ Антонъ Павловичъ Чеховъ. Какъ тихое сумеречное угасаніе дня, угасла его жизнь...

Вдали отъ родины, которую онъ любилъ, о которой болѣлъ душой, въ чуждомъ германскомъ

городишкѣ, куда загнала его болѣзнь, отлетѣлъ послѣднiй вздохъ пѣвца минорныхъ настроенiй...

Сорокъ четыре года! Разцвѣтъ таланта! Творческая сила бьетъ пышнымъ фонтаномъ! Чеховъ лихорадочно пишетъ, многое надо сказать, мысли и образы сами просятся на бумагу. Ихъ ждетъ усталое человѣчество, жаждя найти въ нихъ «самое себя» и, какъ въ зеркалѣ, полюбоваться на свои прорѣхи, слабости, уродство... Работать, больше работать, созерцать, творить... а затѣмъ, отдохнемъ, успѣемъ!...

И вдругъ, смерть накладываетъ свое грозное «veto», дерзкое, властное!

— Я пришла за тобою, умри,—говоритъ она,—увѣнчанный славою, оплакиваемый тысячами людей... Лучшей доли нельзя и желать!... Чеховъ не могъ ей возражать. «Ich sterbe»—прошепталъ онъ нѣмцу Швереру, встрѣчая яснымъ, спокойнымъ взоромъ загробную тайну небытiя.

Такъ умираютъ люди, сильные духомъ, съ сознанiемъ своей правоты.

Чеховъ болѣлъ давно. Чахотка десять лѣтъ постепенно разрушала его организмъ, отравляя существованiе призраками могилы. Какъ врачъ, онъ сознавалъ свой близкiй, неизбѣжный конецъ, какъ художникъ слова, онъ страстно хотѣлъ жить. Въ немъ боролись два начала—холодный анализъ

науки и пылкая надежда поэзіи. Эта борьба и порывистое стремленіе къ работѣ ускорили развязку. Утомленное сердце не выдержало и остановилось. Смерть настигла Чехова на полпути его творчества.

«Въ основаніи всего лежитъ печаль, какъ въ концѣ всѣхъ рѣкъ—океанъ,—говоритъ въ своемъ дневникѣ Аміель.—Развѣ можетъ быть иначе въ мірѣ, гдѣ ничто не длится, гдѣ все, что мы любили, любимъ и будемъ любить, должно умереть!» *).

Чеховъ вышелъ изъ народа. Его предки, уроженцы Воронежской губерніи, были крѣпостными. Отецъ, Павелъ Егоровичъ, въ молодости занимался прасольскимъ промысломъ. Впослѣдствіи, женясь на дочери купца изъ Шуи, Морозова, онъ поселился въ Таганрогѣ и открылъ колоніальную лавку. Здѣсь, 17 января 1860 года, родился Антонъ Павловичъ, будущая слава и гордость Россіи. Вся семья Чехова отличалась дарованіями. Братья его, Александръ и Михаилъ, также избрали себѣ тернистый путь писателей, Иванъ сталъ учителемъ, Николай, уже умершій, и сестра, Марія Павловна,—художники.

*) Henri Amiel, 1821 † 1881, «Отрывки изъ задушевнаго дневника» (Fragments d'un journal intime). Переводъ граф. М. Л. Толстой, подъ редакціей и съ предисловіемъ гр. Л. Н. Толстого. Издан. «Посредника», Спб. 1894 г., ц. 35 к.

Дѣтство Антона Павловича протекло среди мирной семейной обстановки, патріархальной и богобоязненной.

Учиться Чеховъ началъ въ греческой школѣ, при церкви царя Константина, въ родномъ городѣ, затѣмъ, перешелъ въ тамошнюю гимназію. Въ 1879 году онъ поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета и окончилъ его въ 1884 году.

Врачебной практикой Чеховъ почти не занимался, если не считать временной работы, еще студентомъ, въ Воскресенской земской больницѣ и очень короткой практики, кажется всего недѣлю, врачомъ Звенигородской больницы. Въ холерный періодъ 1892—93 годовъ, онъ завѣдывалъ Меликовскимъ участкомъ Серпуховскаго уѣзда.

На литературное поприщѣ Антонъ Павловичъ выступилъ въ 1879 году, студентомъ-первокурсникомъ. Московскій юмористическій журналъ «Будильникъ» гостепріимно открылъ свои двери назрѣвавшему таланту. Вскорѣ его маленькіе разсказы стали появляться и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ: въ «Осколкахъ», редакторъ коихъ, Лейкинъ, очень дорожилъ Чеховымъ, въ «Стрекозѣ», «Свѣтѣ и Тѣняхъ», а дальше и въ болѣе серьезныхъ органахъ печати, какъ «Петербургская Газета». Первыя свои произведенія Чеховъ печаталъ подъ

псевдонимомъ Чехонтэ или Антоша Чехонтэ,— прозвище, данное ему товарищами въ гимназіи. Подъ этимъ псевдонимомъ былъ изданъ первый сборникъ его разсказовъ «Сказки Мельпомены» *).

15 февраля 1886 года, произошло крупное событіе въ жизни молодого писателя. Въ этотъ день, въ «Новомъ Времени», былъ помѣщенъ его разсказъ «Панихида». Суворинъ далъ Чехову дебютъ въ своей газетѣ и пригласилъ постояннымъ сотрудникомъ. Суворинъ, съ помощью Д. В. Григоровича, обратившаго его вниманіе на Антона Павловича, выдѣлилъ Чехова изъ литературной братіи, открылъ ему широкую дорогу, распознавъ выдающійся талантъ. «Чеховымъ Россія обязана Суворину», такъ выразился В. Дорошевичъ. Это чрезвычайно мѣткое, характерное опредѣленіе.

Чеховъ могъ погибнуть, расплыться въ мелочахъ, питая своими миніатюрами юмористическіе журналы, разсыпая перлы остротъ, подчасъ злыхъ, желчныхъ, въ фельетонахъ газетъ средней руки. Гоняясь за построчной подачкой, ему приходилось писать безъ устали, наспѣхъ, ограничиваясь фельетонными размѣрами въ 200—300

*) О выходѣ этого сборника было напечатано въ газетахъ объявленіе: «Антоша Чехонтэ. Сказки Мельпомены». Цѣна 1 рубль. Книгопродавцамъ скидка. Пріятелямъ «gratis».

строкъ. Суворинъ далъ ему возможность серьезно развить свой талантъ, не считаясь съ вопросомъ о насущной копейкѣ и, заслонивъ «подающаго надежды» шутника Чехонтэ, выдвинулъ огромный, самобытный талантъ Антона Чехова.

Съ этого времени Чеховъ выросъ, окрѣпъ, составилъ себѣ имя. Изданные Лейкинымъ, въ томъ же 1886 году, его сборникъ «Пестрые разсказы» и въ 1887 году сборникъ «Въ сумеркахъ», въ изданіи Суворина, встрѣтили большой успѣхъ у публики. Вслѣдъ затѣмъ, Чеховъ началъ сотрудничать въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и ежемѣсячныхъ журналахъ: «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Русской Мысли» и «Жизни». Толстые ежемѣсячники придаютъ извѣстную солидность автору, марку, дипломъ на званіе «признаннаго», «высокодаровитаго», «глубокочтимаго». Такъ привыкла наша публика и съ этимъ приходится считаться. Популярность Чехова быстро росла, онъ сталъ любимцемъ молодежи и послѣдующія его произведенія, въ короткій срокъ, выдерживали по нѣсколько изданій. По подсчету «Новаго Времени», «Въ сумеркахъ» разошлось въ 13 изданіяхъ, «Пестрые разсказы»—14, «Хмурые люди»—10, «Разсказы»—13, «Палата № 6» и «Каштанка»—по 7.

Въ «Русской Мысли» Чеховъ получалъ уже по 500 рублей съ листа. Въ послѣдніе годы обра-

зовалась новая книгоиздательская фирма «Знаніе», которая предложила Чехову 1.500 р. за листъ.

Въ 1888 году Чеховъ получилъ Пушкинскую премію, а въ 1900 году былъ избранъ Академіей Наукъ въ почетные академики.

Марксъ издалъ полное собраніе сочиненій Чехова, которое повторилъ приложеніемъ къ «Нивѣ», въ 1903 году. Въ эти изданія вошло все, что было написано Чеховымъ до 1899 года, за что Марксъ заплатилъ автору 75.000 рублей. По условію, заключенному на запроданныя, послѣдующія, отдѣльныя изданія его произведеній, Марксъ обязался платить Чехову по 250 рублей съ листа, прибавляя, черезъ каждыя пять лѣтъ, по 200 рублей за листъ. Эти условія не коснулись театральныхъ пьесъ.

Чеховъ началъ съ водевилей, извѣстность драматурга пріобрѣлъ онъ пьесами «Ивановъ» *), «Дядя Ваня», «Чайка», «Три сестры», «Вишневый садъ».

Хотя, первая изъ нихъ, «Ивановъ», поставленная на Александринской, сценѣ съ Мичуриной, Стрепетовой, Давыдовымъ, Свободинымъ, въ главныхъ роляхъ, и провалилась, зато «Дядя Ваня» встрѣтилъ громадный успѣхъ въ Москвѣ, въ театрѣ Станиславскаго. Вообще, Москва и провинція теплѣе Петербурга отнеслись къ Чехову, какъ

*) Въ первоначальной редакціи «Лѣшій».

къ драматургу. Славой его Чеховъ, впрочемъ, не обольщался и, одно время, послѣ вторичной неудачи, постигшей его въ Петербургѣ,—провала «Чайки», онъ хотѣлъ даже совершенно бросить работу для театра.

Въ 1890 году Антонъ Павловичъ ѣздилъ на Сахалинъ, результатомъ чего явились очерки «Островъ Сахалинъ», былъ нѣсколько разъ на Кавказѣ. Вообще онъ много путешествовалъ по Россіи и заграницей.

Чеховъ любилъ Москву. Въ ней онъ жилъ студентомъ, началъ свою литературную дѣятельность, въ ней похоронилъ отца, сблизился съ кружкомъ симпатичныхъ ему лицъ, не литераторовъ, а просто добрыхъ знакомыхъ, обзавелся друзьями. Но чахотка, впервые заявившая о себѣ еще въ Сибири, проѣздомъ Чехова на Сахалинъ, принудила его жить постоянно на югѣ. Антонъ Павловичъ избралъ Ялту, поселясь въ своей усадьбѣ, съ матерью и сестрою. Въ Гурзуфѣ у него былъ еще маленькій домикъ, поэтическій уголокъ у самаго моря. Сюда онъ уединялся для работы. Въ Москвѣ и Петербургѣ онъ бывалъ только по дѣламъ и снова спѣшилъ къ теплу и свѣту южнаго неба.

Образъ Чехова, какъ человѣка, навсегда останется въ памяти каждаго, кому хоть разъ приве-

лось съ нимъ столкнуться. Отзывчивость Антона Павловича, ко всему свѣтлому, доброму, не знала предѣловъ. Онъ помогалъ и матеріально и духовно, охотно давалъ совѣты своимъ младшимъ, начинающимъ собратьямъ, терпѣливо выслушивалъ всякія просьбы и сѣтованія, совершенно незнакомыхъ ему лицъ, которыя осаждали его вездѣ, гдѣ бы онъ ни появлялся. Имя Чехова тянуло къ себѣ, какъ магнитъ. Ему надоѣдали, мѣшали, въ ущербъ его времени и здоровья, — онъ привѣтливо принималъ, слушалъ и съ кроткой улыбкой удовлетворялъ посѣтителя. Чехова любили, цѣнили его деликатную, скромную, честную натуру.

Антонъ Павловичъ постоянно интересовался своей родиной—Таганрогомъ. Бывшая въ запустѣніи, Таганрогская городская библіотека, благодаря заботамъ Чехова, воскресла. Онъ посылалъ для нея книги, портреты крупныхъ литераторовъ. Между прочимъ, по словамъ «Пріазовскаго Края», онъ велъ переписку съ членомъ таганрогской городской управы, П. Ф. Іордановымъ. Въ одномъ изъ писемъ, 1897 года, Чеховъ писалъ: «Ялта скучна, и я бы съ удовольствіемъ поселился въ Таганрогѣ».

Тому же г. Іорданову, по поводу готовившагося, 17 января 1904 года, празднованія 25 лѣт-

няго юбилея, Чеховъ сообщалъ: «Мнѣ нездоровится, настроеніе у меня совсѣмъ не юбилейное. Я прошу оттянуть празднованіе моего юбилея до болѣе благопріятнаго будущаго».

Чеховъ высоко цѣнилъ полученное имъ образованіе, находя въ немъ вѣрнаго помощника своему творчеству. Антонъ Павловичъ былъ женатъ на Ольгѣ Леонардовнѣ Книпперъ, талантливой актрисѣ Московскаго Художественнаго театра.

Въ іюнѣ текущаго года Чеховъ уѣхалъ въ Баденъ-Вейлеръ, германскій курортъ. Болѣзнь принимала угрожающій характеръ, хотя непосредственной опасности не предвидѣлось.

Въ ночь, на 2-е іюля, давно собиравшаяся гроза разразилась, Чехова не стало! Тихо, въ полномъ сознаніи, на рукахъ жены, заснулъ вѣчнымъ сномъ дорогой писатель. Смерть, по констатированію лечившаго его врача, Шверера, наступила отъ паралича сердца, вызваннаго процессомъ бугорчатки. . . . .

Полетѣли телеграммы, зашевелился художественный міръ. . . Литераторы, артисты, близко знавшіе покойнаго, его почитатели заговорили о безвременно погибшемъ талантѣ. Сотни тысячъ людей благоговѣйно произнесли имя Чехова, искренно, отъ души напутствуя его «вѣчной памятью».

...Газеты, журналы запестрѣли статьями и воспоминаніями о немъ, портретами различныхъ лѣтъ его жизни. Всюду, на пути слѣдованія тѣла, отъ Баденъ-Вейлера до Москвы, стекалась публика, поклониться праху любимаго писателя. Сотни вѣнковъ отъ учрежденій, корпорацій и частныхъ лицъ, толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ на похоронахъ, рѣчи, неподдѣльныя слезы, будущія памятники и стипендіи имени погибшаго .... .— грандіозная картина печали! Потеря громадна, тѣмъ болѣе, теперь, въ вѣкъ рекламы и фальсификаціи, когда наша литература такъ бѣдна истинными талантами! . . . .

II.

Дѣятельность Чехова началась въ годы увяданія блестящаго періода русской литературы.

Гоголь, Пушкинъ и Лермонтовъ, выработавъ литературный языкъ, завѣщали намъ классическіе образцы. На этихъ образцахъ воспитались всѣ дальнѣйшіе корифеи 40-хъ и 60-хъ годовъ, съ гра-

фомъ Л. Толстымъ во главѣ. Нѣкоторые изъ нихъ умерли—до появленія Чехова. Достоевскій, Тургеневъ, Писемскій, Мельниковъ, Островскій, Салтыковъ-Щедринъ, Гончаровъ, Лѣсковъ... смолкли при немъ. Осталась все таже центральная фигура — Толстой, но и онъ, написавъ «Анну Каренину», почти оставилъ чисто художественную литературу и увлекся проповѣдничествомъ и философіей, въ своихъ: «Критикѣ богословія», «Толковованіи Евангелія», «Въ чемъ моя вѣра», «Въ чемъ счастье» и пр. Наступало безвременье, жившее отзвуками прежнихъ завѣтовъ. Самостоятельныхъ беллетристовъ, съ оригинальнымъ талантомъ, прологающимъ новые пути, не встрѣчалось. Декадентскія кривлянья, разумѣется, всторонѣ. Эта, не только «упадочная», но прямо «припадочная», литература—предметъ медицинскихъ изслѣдованій... Среди всѣхъ современниковъ, на цѣлую голову, выдѣлялся В. Г. Короленко. Далѣе шли: Потапенко, Маминъ-Сибирякъ, Тихановъ-Луговой, Златовратскій, Боборыкинъ, старѣйшій изъ всѣхъ этой категоріи и прочіе.

Явился Чеховъ, заблисталъ своимъ чуднымъ, изящнымъ талантомъ. Около него стали группироваться нарождавшіеся дарованія, создалась «чеховская» школа.

Горькій, Леонидъ Андреевъ, Вересаевъ, Ски-

талецъ, Елпатьевскій, Бунинъ . . . послѣдователи этой школы.

Антонъ Павловичъ писатель 80-хъ годовъ и въ немъ, эти годы, полнаго застоя духовной жизни, отразились, какъ на ровной, гладкой поверхности глубокаго озера. Галлерея его героевъ чрезвычайно разнообразна. Отъ грубаго полудикаря—мужика, до просвѣщеннѣйшаго представителя науки, Чеховъ видѣлъ всѣхъ, всюду созерцалъ скучную, мутную дѣйствительность и типы его, живые, рельефные, гуляютъ среди насъ, на свободѣ, подъ разными соусами.

Люди и положенія выходили изъ подъ его пера такими, какими ихъ видѣлъ его острый, всепроникающій взоръ, безъ окраски, подъ одинъ излюбленный колеръ и съ правой и съ лѣвой сторонъ. Кривить душой, врать, поддѣлываться, увѣрять: «все обстоитъ благополучно», когда было нудно, скверно, Чеховъ не могъ, а говорилъ одну правду. Добро и зло, одинаково, находили въ немъ своего безпристрастнаго художника.

Произведенія первыхъ лѣтъ творчества Чехова рѣзко отличаются отъ позднѣйшихъ. Вначалѣ имъ руководилъ исключительно юморъ, напоминавшій Гоголя, Щедрина, Глѣба Успенскаго, но болѣе здоровый, беззаботный. Тогда онъ не былъ ни учителемъ жизни, ни философомъ, не читалъ

бичующихъ проповѣдей, а рисовалъ изящныя акварельныя картины, на фонѣ сѣренькихъ будней. Таковы разсказы: «Въ банѣ», «Романъ съ контробасомъ», «Толстый и тонкій», «Произведеніе искусства», «Орденъ», «Винтъ», «Налимъ», «Лошадиная фамилія» и пр.

Затѣмъ, заговорили струны меланхолической грусти, навѣвавшей поэтическія настроенія, заставлявшей задумываться, вздыхать и мечтать. . .

Тургеневская поэзія, нѣжная, благоухающая, подернулась дымкой пессимизма. Чеховъ смѣялся сквозь слезы и горько плакалъ тамъ, гдѣ другіе глупо улыбались. . . Его юморъ скрывалъ уже бездну страданій, за людскую пошлость, тупость и скудоуміе. Застонали громкіе аккорды скорбей и печалей. Изъ тѣни кулисъ, приблизился къ рампѣ усталый, больной человѣкъ, выползли изъ своихъ норъ ненужные «лишніе люди,»—пасынки жизни, испорченные, порочные: «Мужики», «Степь», «Въ оврагѣ», «Черный монахъ», «Палата № 6», «Скучная исторія», «Разсказъ неизвѣстнаго человѣка», «Моя жизнь», «Попрыгунья», «Новая дача», «Крыжовникъ», «Дама съ собачкой», «Іонычъ», «Человѣкъ въ футлярѣ», «Ивановъ», «Чайка» и т. д.

Наконецъ, третій снимокъ литературной физіономіи Чехова, — пора надеждъ и упованій, вѣра въ обновленное грядущее. Словно гнилой

болотный туманъ таялъ въ предразсвѣтный часъ пробужденія утренней зари. Чеховъ, измученный недугомъ, изстрадавшійся, бодро шелъ навстрѣчу солнцу, звалъ всѣхъ за собою, къ новой жизни духовнаго тепла и свѣта. Какая нравственная красота! Какое величіе души въ изможденномъ тѣлѣ!

Особенно сильно выразилась эта черта чеховскаго творчества въ пьесахъ: «Три сестры», «Вишневый садъ», разсказѣ «Невѣста» и другихъ—изъ послѣднихъ лѣтъ.

«Очерки Сахалина», изъ міра отверженныхъ, стоятъ совсѣмъ отдѣльно. Въ нихъ такъ мало «чеховскаго». Художникъ свернулъ со своего прямого пути и погрузился въ сухую статистику. Даже описательный элементъ природы и быта вышелъ довольно блѣднымъ.

Чехова сравниваютъ съ Мопассаномъ.—Сходство безусловное, но лишь въ формѣ, пріемахъ письма. Оба они импрессіонисты, кратки, сжаты настолько, что нельзя выкинуть слова изъ разсказа, не нарушивъ цѣльности впечатлѣнія. Двумя, тремя смѣлыми штрихами, они обрисовываютъ то, чего иной романистъ не выскажетъ и въ десяти страницахъ. Но какая разница между ними по внутреннему содержанію!

Мопассанъ—парнографъ чистѣйшей воды. У

него почти всѣ произведенія полны сценъ, бьющихъ на чувственность. Изложены онѣ съ рѣдкимъ знаніемъ и любовью.

Мопассанъ «разоблачалъ, раздѣвалъ животное похотливое, жестокое, жадное, прячущееся подъ цилиндры и изящные костюмы»—такъ выразился о немъ одинъ изъ его біографовъ. Чеховъ неизмѣримо выше Мопассана, въ этомъ случаѣ. Онъ не распаляетъ воображеніе читателя и съ вопросами «клубничнаго» свойства обращается крайне осторожно. Онъ не оскорбляетъ цѣломудріе, не развращаетъ юные умы, тогда какъ Мопассана, этотъ громадный талантъ, приходится держать взаперти.

Преобладаніе отрицательныхъ типовъ, въ произведеніяхъ Чехова, объясняется все тою же непривлядностью, идущею вразладъ съ идеаломъ автора. Хищное, грубое, алчное живетъ и наслаждается на счетъ своихъ жертвъ. Эти жертвы, неудачники, неврастеники, страдающіе, обиженные, тоскующіе, кончаютъ безпробуднымъ пьянствомъ, сумасшествіемъ, самоубійствомъ. Въ нихъ личность забита, они безсильны бороться съ окружающею неправдою и несправедливостью, хотя они умны, нерѣдко талантливы, безусловно добры и честны.

Хотя въ груди у нихъ кипитъ вѣра, жажда, стремленіе къ возвышеннымъ идеаламъ, но, на

дѣлѣ, они ничѣмъ еще заявить себя не могутъ. Пока однѣ мечтанія, исполненіе ихъ—впереди.

«Ивановъ»—нехорошій, жалкій, ничтожный человѣкъ, какъ онъ самъ себя рекомендуетъ, выброшенный за бортъ, въ пучину житейскаго моря. Онъ страдаетъ самъ, мучаетъ своимъ безволіемъ, малодушіемъ другихъ и гибнетъ, не сумѣвъ примѣниться къ жизни, найти въ ней свое мѣсто. Онъ стрѣляется.

«Чайка»—Нина Зарѣчная—безпочвенная личность, зараженная символизмомъ, съ издерганными нервами, молодая актриса. Любя извѣстнаго писателя Тригорина, она продолжаетъ смущать покой Треплева, къ которому раньше была неравнодушна. Она дразнитъ, быть можетъ и невольно, его чувство, сама терзается неудовлетвореннымъ порывомъ къ Тригорину, холодному къ ней, имѣющему романъ съ матерью Треплева, по сценѣ Аркадиной. Самого Треплева безотвѣтно любитъ Маша Шамраева. Они всѣ страдаютъ, не понимаютъ другъ друга или не хотятъ понять... Полное разногласіе въ чувствахъ. Какая любовная паутина, но какъ она жизненно соткана!

— «Меня надо убить... Я такъ утомилась! отдохнуть бы!.. Я чайка... Я актриса.... Нѣтъ, не то... Помните, вы подстрѣлили чайку? Случайно пришелъ человѣкъ, увидѣлъ и, отъ не-

чего дѣлать, погубилъ . . . . Когда увидите Тригорина, то не говорите ему ничего. . . Я люблю его. Я люблю его даже сильнѣе, чѣмъ прежде» . . . .—говоритъ Зарѣчная, при послѣднемъ свиданіи съ Треплевымъ и благополучно исчезаетъ.

Что съ нею будетъ? Замѣнитъ ли ей мишурный блескъ сцены настоящую жизнь, примирится ли она съ нею? Треплевъ, любившій Нину до самозабвенія, до цѣлованія слѣдовъ ея ногъ, талантливый, умный, Треплевъ, съ возвышенной натурой, имѣющій всѣ данныя выдвинуться въ жизни и быть счастливымъ—стрѣляется.

Разбитыя жизни, пестрою лентою, тянутся передъ глазами читателя. Вотъ, Гуровъ и Анна Сергѣевна—«Дама съ собачкой». Они встрѣтились, случайно, въ Ялтѣ.

Она пріѣхала безъ мужа, онъ безъ жены. Произошло сближеніе. Гуровъ глядѣлъ на него, какъ на мимолетную интрижку, ни къ чему не обязывающую, одну изъ многочисленыхъ въ его прошломъ, но ошибся. Они привязались другъ къ другу и продолжали видѣться потомъ, то въ Москвѣ, гдѣ жилъ съ семьей Гуровъ, то въ уѣздномъ городѣ, въ которомъ скучала Анна Сергѣевна съ мужемъ. Встрѣчались украдкой, обманомъ. Могучее чувство любви, нѣжной, чистой соединило

ихъ существа. Они простили другъ другу, однимъ взглядомъ, ту прошлую грязь ихъ сближенія, которой стыдились. Гуровъ понялъ, что онъ полюбилъ глубоко, душой, а не вспышками крови, въ первый разъ, только теперь, на склонѣ лѣтъ, когда оба они несвободны.

Обоихъ мучаетъ одинъ вопросъ: «какъ освободиться отъ этихъ невыносимыхъ путъ? Какъ? Какъ?— спрашивалъ онъ, хватая себя за голову—и казалось, что еще немного—и рѣшеніе будетъ найдено, и тогда начнется новая, прекрасная жизнь, и обоимъ было ясно, что до конца еще далеко—далеко, и что самое сложное и трудное только еще начинается». . .

Никитинъ, въ разсказѣ «Учитель словесности», калѣчитъ свою жизнь, женитьбой на богатой, но глупенькой, пустой Манюси Шелестовой.

Мусатовъ, изъ разсказа «Отецъ», совершенно спившійся старикъ, обираетъ своихъ сыновей, оскорбляетъ ихъ, живетъ съ «бабенціей» въ грязи, окруживъ себя пропойцами.

Рагинъ, больничный докторъ—мизантропъ, въ «Палатѣ № 6», вступаетъ въ должность съ благими намѣреніями искоренить возмутительный произволъ, грабежъ и безпорядки. Но онъ слабохарактеренъ, мягокъ, изрядно попиваетъ и не въ состояніи выполнить своихъ намѣреній. Не найдя

поддержки среди здоровыхъ, онъ сближается съ сумасшедшимъ изъ своей больницы и, видя въ немъ оригинальнаго мыслителя, философствуетъ съ нимъ. Больныя фантазіи его друга—паціента губительно отзываются на расшатанномъ организмѣ Рагина, онъ спивается окончательно, теряетъ здравый смыслъ и его водворяютъ въ ту самую палату сумасшедшихъ, гдѣ сидитъ его пророкъ, гдѣ сторожъ Никита лупитъ его, наравнѣ съ прочими.

Гимназистъ Володя, случайно, теряетъ свою чистоту, съ развратной, безцвѣтной особой и, ужасаясь своего паденія и той безнравственной атмосферы, которою окружила себя его мать,—стрѣляется («Володя»). Дѣвчёнка-няня душитъ ввѣреннаго ей ребенка, потому только, что ей страшно хочется спать, а онъ мѣшаетъ своимъ крикомъ. Совершивъ злодѣяніе, она спокойно засыпаетъ. («Спать хочется»).

Мелкій чиновникъ Чимша-Гималайскій всѣ блага жизни видитъ только въ крыжовникѣ. Онъ мечтаетъ, подъ старость, выйдя въ отставку, купить усадебку и, непремѣнно, съ крыжовникомъ. Съ этой цѣлью онъ скопидомничаетъ, дѣлаетъ копеечныя сбереженія, женится на старухѣ-вдовѣ, зная, что у нея кое что припрятано, и все рисуетъ планы своего будущаго помѣстья: a) барскій домъ, в) людская, c) огородъ, d) крыжовникъ. Наконецъ, страстишка удовлетворена, онъ покупаетъ

имѣніе и наслаждается кислымъ, безвкуснымъ крыжовникомъ, расхваливая, глядя на него со слезами на глазахъ, отъ пошлаго умиленія и самодовольства. Онъ брюзгнетъ, бездѣльничаетъ. Онъ счастливъ!!!

Въ разсказѣ «Іонычъ», Чеховъ даетъ картину постепеннаго опошленія земскаго дѣятеля, доктора Старцева. Пріѣхалъ онъ служить въ провинцію человѣкъ—человѣкомъ, со свѣтлыми взглядами на жизнь, съ потребностью любить и быть любимымъ, но, въ концѣ концовъ, закупоривается въ свою раковинку. Въ немъ развивается жажда къ деньгамъ, по мѣрѣ того, какъ расширяется его практика. Онъ становится алчнымъ, умножаетъ свой текущій счетъ въ банкѣ, скупаетъ дома и, кромѣ этой страсти, его ничто не волнуетъ. Старцевъ или Іонычъ, какъ его называютъ въ городѣ, даже не пьетъ, а просто спокойно заплываетъ жиромъ, дѣлается грубымъ, дерзкимъ, заносчивымъ. Богатство его ни къ чему, онъ одинокъ. Если, случайно, при немъ заговорятъ о семействѣ, въ которомъ онъ когда то ухаживалъ, дѣлалъ предложеніе, Іонычъ равнодушно спроситъ:—«Это вы про какихъ Туркиныхъ? Это про тѣхъ, что дочка играетъ на фортепьянахъ?» — а самъ думаетъ при этомъ: «хорошо, что я не женился!» И только этимъ выражается единственное воспоминаніе о минувшихъ дняхъ.

Въ цѣломъ рядѣ своихъ разсказовъ и повѣстей, Чеховъ рисуетъ житейскія драмы, въ которыхъ душа человѣка медленно теряетъ божественный обликъ и глупо, обидно замираетъ. Иныхъ давитъ жизнь, заѣдаетъ среда, губятъ обстоятельства, тѣснымъ кольцомъ охватившія ихъ со всѣхъ сторонъ, другіе всецѣло виноваты сами, распустились, раскисли и тянутъ за собою слабыхъ, безвольныхъ. Бѣликовы, Гундасовы, Лаптевы, Авдѣевы, Жмухины, Ляликовы, Сысоевы, Лаевскіе, фонъ-Корены, Орловы... длинный списокъ гибнущихъ и губящихъ.

Типы Чехова преимущественно интеллигенты, чаще провинціалы. Широкую картину оскудѣнія провинціи раскинулъ на своей картограммѣ Астровъ, въ «Дядѣ Ванѣ»:

. . . . «Смотрите сюда. Картина нашего уѣзда, какимъ онъ былъ 50 лѣтъ назадъ. Темно и свѣтло-зеленая краска означаетъ лѣса; половина всей площади занята лѣсомъ. Гдѣ по зелени положена красная сѣтка, тамъ водились лоси, козы . . . Я показываю тутъ и флору и фауну. На этомъ озерѣ жили лебеди, гуси, утки и, какъ говорятъ старики, птицы всякой была сила, видимо-невидимо; носилась она тучей. Кромѣ селъ и деревень, видите, тамъ и сямъ, разбросаны разные выселки, хуторочки, раскольничьи скиты, водяныя мельницы . . . Рогатаго скота и лошадей было много. По голубой

краскѣ видите. Напримѣръ, въ этой волости, голубая краска легла густо; тутъ были цѣлые табуны и на каждый дворъ приходилось по три лошади. Теперь, посмотрите ниже. То, что было 25 лѣтъ назадъ. Тутъ ужъ подъ лѣсомъ только одна треть всей площади.

Козъ уже нѣтъ, но лоси есть. Зеленая и голубая краски уже блѣднѣе. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Переходимъ къ третьей части: картина уѣзда въ настоящемъ.

Зеленая краска лежитъ кое-гдѣ, но не сплошь, а пятнами; исчезли и лоси и лебеди, и глухари . . . Отъ прежнихъ выселковъ, хуторковъ, скитовъ, мельницъ и слѣда нѣтъ. Въ общемъ, картина постепеннаго и несомнѣннаго вырожденія, которому, повидимому, остается еще какихъ нибудь 10—15 лѣтъ, чтобы стать полнымъ. Вы скажете, что тутъ культурныя вліянія, что старая жизнь естественно должна была уступить мѣсто новой. Да, я понимаю, если бы на мѣстѣ этихъ истребленныхъ лѣсовъ пролегли шоссе, желѣзныя дороги, если бы тутъ были заводы, фабрики, школы, народъ сталъ бы здоровѣе, богаче, умнѣе, но вѣдь тутъ ничего подобнаго! Въ уѣздѣ тѣ же болота, комары, то же бездорожье, нищета, тифъ, дифтеритъ, пожары. . . Тутъ мы имѣемъ дѣло съ вырожденіемъ, вслѣдствіе непосильной борьбы за суще-

ствованіе; это вырожденіе отъ косности, отъ невѣжества, отъ полнѣйшаго отсутствія самосознанія, когда озябшій, голодный, больной человѣкъ, чтобы спасти остатки жизни, чтобы сберечь своихъ дѣтей, инстинктивно, безсознательно хватается за все, чѣмъ только можно утолить голодъ, согрѣться, разрушаетъ все, не думая о завтрашнемъ днѣ . . . Разрушено уже почти все, но взамѣнъ не создано еще ничего» . . . .

Бытъ современной деревни, наиболѣе красочно, описанъ Чеховымъ въ повѣсти «Мужики». У крестьянки Ольги умеръ мужъ, бывшій лакей московской гостинницы. Оставаться въ деревнѣ ей невозможно и она идетъ побираться христовымъ именемъ. Вотъ чувства, волнующія ее при уходѣ.

. . . «Ей было жаль разставаться съ деревней и съ мужиками. Она вспомнила о томъ, какъ несли Николая и около каждой избы заказывали панихиду, и какъ всѣ плакали, сочувствуя ея горю. Въ теченіи лѣта и зимы, бывали такіе часы и дни, когда казалось, что эти люди живутъ хуже скотовъ, жить съ ними было страшно; они грубы, нечестны, грязны, нетрезвы, живутъ несогласно, постоянно ссорятся, потому что не уважаютъ, боятся и подозрѣваютъ другъ друга. Кто держитъ кабакъ и спаиваетъ народъ? Мужикъ. Кто растрачиваетъ и пропиваетъ мірскія, школьныя, цер-

ковныя деньги? Мужикъ. Кто укралъ у сосѣда, поджогъ, ложно показалъ на судѣ, за бутылку водки? Кто, въ земскихъ и другихъ собраніяхъ, первый ратуетъ противъ мужиковъ? Мужикъ. Да, жить съ ними было страшно, но все же они люди, они страдаютъ и плачутъ, какъ люди, и въ жизни ихъ нѣтъ ничего такого, чему нельзя было бы найти оправданія. Тяжкій трудъ, отъ котораго по ночамъ болитъ все тѣло, жестокія зимы, скудные урожаи, тѣснота, а помощи нѣтъ и неоткуда ждать ее. Тѣ, которые богаче и сильнѣе ихъ, помочь не могутъ, такъ какъ сами грубы, нечестны, не трезвы и сами бранятся также отвратительно; самый мелкій чиновникъ или приказчикъ обходится съ мужиками, какъ съ бродягами, и даже старшинамъ и церковнымъ старостамъ говоритъ «ты», и думаетъ, что имѣетъ на это право. Да и можетъ ли быть, какая нибудь помощь или добрый примѣръ, отъ людей корыстолюбивыхъ, жадныхъ, развратныхъ, лѣнивыхъ, которые наѣзжаютъ въ деревню только затѣмъ, чтобы оскорбить, обобрать, напугать? Ольга вспомнила, какой жалкій, приниженный видъ былъ у стариковъ, когда зимою водили Кирьяка наказывать розгами . . . И теперь ей было жаль всѣхъ этихъ людей, больно, и она, пока шла, все оглядывалась на избы» . . . .

Это послѣдняя страница повѣсти, и въ ней какъ бы сконцентрировался взглядъ автора на деревенскую маяту. Въ «Мужикахъ» выступила неприкрытая нагота, громко заявляющая о себѣ, вся правда, которую всегда ревниво оберегалъ Чеховъ въ своихъ произведеніяхъ. За эту правду Антонъ Павловичъ пережилъ не мало горькихъ минутъ нападокъ и обвиненій.

Онъ далекъ былъ отъ идеализаціи своихъ, героевъ, къ которой прибѣгаетъ Максимъ Горькій, воспѣвая призрачную мощь своихъ босяковъ. Чеховъ чутко понималъ народныя нужды и неурядицы, зналъ отчего и откуда онѣ вытекаютъ, освѣщалъ, чуждымъ пристрастія, анализомъ, помня ихъ съ дѣтства, въ родной обстановкѣ.

Въ одномъ изъ писемъ Чехова къ А. С. Суворину, встрѣчается слѣдующее откровеніе: «Во мнѣ течетъ мужицкая кровь и меня не удивишь мужицкими добродѣтелями. Я съ дѣтства увѣровалъ въ прогрессъ и не могъ не увѣровать, такъ какъ разница между временемъ, когда меня драли, и временемъ, когда перестали драть, была страшная» . . . . *)

Благодаря тяжелому положенію деревни, многихъ крестьянъ, какъ чума, пугаетъ ихъ собствен-

*) А. С. Суворинъ «Маленькія письма» DXV «Новое Время».

ная среда. Это явленіе особенно характерно для побывавшихъ въ городахъ, въ роли фабричныхъ, мелкихъ промышленниковъ, служащихъ. На родину, къ землѣ ихъ не тянетъ, съ нею порваны у нихъ всѣ связи и для деревни они положительно потеряны.

Въ разсказѣ «Моя жизнь», бывшій крестьянинъ Степанъ, арендовавшій мельницу, даетъ такой отзывъ о своей братіи:

«Нешто мужики—люди. Не люди, а, извините, звѣрье, шарлатаны. Какая у мужика жизнь? Только ѣсть, да пить, харчи бы подешевле, да въ трактирѣ горло драть безъ ума; и ни тебѣ разговоровъ хорошихъ, ни обращенія, ни формальности, а такъ—невѣжа! И самъ въ грязи, и жена въ грязи, и дѣти въ грязи, въ чемъ былъ, въ томъ и легъ, картошку изъ щей тащитъ прямо пальцами, квасъ пьетъ съ тараканомъ,—хоть бы подулъ! .. Оно точно, нужда, да вѣдь нужда нуждѣ рознь, сударыня. Вотъ, ежели человѣкъ въ острогѣ сидитъ, или, скажемъ, слѣпой, или безъ ногъ, то это, дѣйствительно, не дай Богъ никому, *а ежели онъ на волѣ, при своемъ умѣ, глаза и руки у него есть, сила есть, Богъ есть, то чего ему еще?* *) Баловство, сударыня, невѣжество, а не бѣдность. Ежели вотъ вы, положимъ, хорошіе

*) Курсивъ мой.

господа, по образованію вашему, изъ милости, пожелаете оказать ему способіе, то онъ ваши деньги пропьетъ по своей подлости или, того хуже, самъ откроетъ питейное заведеніе и на ваши деньги начнетъ народъ грабить. Вы изволите говорить—бѣдность. А, развѣ, богатый мужикъ лучше живетъ? Тоже, извините, какъ свинья. Грубіянъ, горланъ, дубина, идетъ—поперекъ себя толще, морда пухлая, красная.—Такъ бы, кажется, размахнулся и ляпнулъ его, подлеца. Вотъ, Ларіонъ дубеченскій, тоже богатый а, небось, лубки въ вашемъ лѣсу деретъ не хуже бѣднаго; и самъ ругатель, и дѣти ругатели, а какъ выпьетъ лишнее, чкнется носомъ въ лужу и спитъ. Всѣ они, сударыня, нестоющіе. Поживешь съ ними, въ деревнѣ, такъ словно въ аду. Навязла она у меня въ зубахъ, деревня то эта, и благодарю Господа, Царя Небеснаго, и сытъ я, и одѣтъ, отслужилъ въ драгунахъ свой срокъ, отходилъ старостой три года, и вольный я казакъ теперь: гдѣ хочу, тамъ и живу. Въ деревнѣ жить не желаю, и никто не имѣетъ права меня заставить» . . .

Французскій критикъ Вогюэ, въ статьѣ о Чеховѣ, затрагиваетъ интересный, назрѣвшій вопросъ. Сопоставляя нашу литературу прошлыхъ эпохъ съ настоящей, онъ приходитъ къ весьма печальному заключенію:

«Въ эпоху крѣпостного права грусть первыхъ писателей, обратившихся къ изученію народа, была тотчасъ же понята. Только и могло быть одно вѣроятное объясненіе смѣху Гоголя, гнѣвной пѣсни Некрасова, меланхоліи Тургенева или Достоевскаго: рабская нація только и могла быть угрюмою и безобразною; нужно было освободить, вдохнуть силу живу въ мертвыя души. Когда совершилось освобожденіе крестьянъ, глубокій вздохъ облегченія привѣтствовалъ реформу и въ сердцахъ ожила надежда. Общество вправѣ было требовать радостнаго просвѣтлѣнія мысли писателей; но случилось нѣчто противоположное; какой то мракъ, все болѣе и болѣе, окутывалъ русскую мысль. Съ тѣхъ поръ минуло, вотъ, уже, сорокъ лѣтъ, но новые дѣятели стали еще ядовитѣе, еще мрачнѣе» . . . *)

Взглядъ Вогюэ, отчасти, вѣренъ. Но, онъ не долженъ забывать, что европейская культура Россіи началась только съ Петра Великаго, а министерство народнаго просвѣщенія учреждено въ 1802 году. Затѣмъ, 1861 годъ.

Вотъ, три ступени, черезъ которыя шагнула Россія, на своемъ пути къ Европѣ, и, если въ чемъ и отстала отъ нея,—въ просвѣщеніи народа. Когда же невѣжественная народная масса просвѣтлѣетъ

---

*) «Revue des deux mondes,» 1902 г. Отдѣльный оттискъ, въ переводѣ Вл. Г.

душою, просвѣтлѣютъ и горизонты русскихъ писателей.

Реформа освобожденія дала такой колоссальный толчокъ, отъ котораго еще не успѣлъ совершенно очнуться народъ. Получивъ возможность смотрѣть на себя, какъ на существо, имѣющее право самостоятельно двигаться, дышать, жить, ощутивъ въ себѣ такіе духовные запросы, о которыхъ прежде онъ не смѣлъ и помышлять, народъ растерялся передъ раскинувшейся шириной свободы. Его жизнь полна интереса, полна темной силы—ее надо освѣтить, направить по вѣрному пути къ самопознанію; указать его разуму способы оріентироваться среди хаоса жизненныхъ условій. Передъ ними онъ одинъ—безпомощенъ. Нерѣдко, превратно понятое, а потому и плохо воспринятое, добро превращается въ трудно поправимое зло.

Могучую волну свѣта надо пролить въ душу народа, чтобы открылись его глаза, передъ той пропастью мрака, въ которомъ онъ бродитъ ощупью, сталкиваясь, падая и разбиваясь!

Художникъ, въ разсказѣ «Домъ съ мезониномъ», восклицаетъ:—«Грамотность, когда человѣкъ имѣетъ возможность читать только вывѣски на кабакахъ, да изрѣдка книжки, которыхъ не понимаетъ,—такая грамотность держится у насъ со

временъ Рюрика. Гоголевскій Петрушка давно уже читаетъ, между тѣмъ деревня, какая была при Рюрикѣ, такая и осталась до сихъ поръ!»...

Руси есть веселіе пити! . . . . .

Какая насмѣшка, какая злая иронія, преслѣдующая русскаго человѣка съ давнихъ лѣтъ, налѣпленная на него, какъ ярлыкъ. Мерещатся дни, когда эта позорная прибаутка потеряетъ свой «raison d'être» и отступитъ передъ лицомъ свѣта истины, знанія, добра. Когда жестокіе, заскорузлые нравы смягчатся и мысль народа прояснится настолько, что онъ сумѣетъ различать въ себѣ звѣрскіе инстинкты и во время обуздать свою натуру.

Залогъ будущаго счастья Россіи неизбѣжно лежитъ въ народѣ, этомъ стихійномъ богатырѣ. Нужно много энергіи, неустанной работы надъ нимъ и съ нимъ—рука объ руку, чтобы онъ могъ быть участникомъ въ созиданіи этого счастья, трезвымъ, разумнымъ и честнымъ.

Въ это вѣрилъ Чеховъ, рисуя бозотрадныя картины, и тѣмъ призывая насъ къ обратному.

Ярко выразившійся реалистъ, тонкій психологъ, отчасти мистикъ, *пережившій, какъ и всякій человѣкъ, духовные переломы извѣстныхъ возрастовъ, Чеховъ отнюдь не былъ безнадежнымъ пессимистомъ*, о чемъ утверждаетъ большинство. Въ основѣ, въ

немъ сквозила вѣра въ то лучшее будущее, когда, съ одной стороны, народъ созрѣетъ морально, а съ другой—каждый интеллигентъ будетъ работать на благо человѣчеству, когда онъ поздоровѣетъ душою, окончательно сброситъ съ себя плѣсень старыхъ родовыхъ гнѣздъ, завершитъ запоздалый, увы, еще не законченный разсчетъ съ прошлымъ барствомъ. Этотъ разсчетъ неотвратимъ. Сонная одурь, пуховики, чесанье опинъ и розги отошли въ область преданій. Помѣщики, вродѣ Раневской, въ «Вишневомъ саду», проживающіе свои имѣнія по заграницамъ, выдыхаются, какъ тяжелый угаръ, въ открытыя настежь окна. Остается лишь горькій осадокъ во рту, въ головѣ тупая боль.

Взамѣнъ ихъ, жизнь выводитъ на арену Лопахиныхъ, этихъ новыхъ людей, принуждающихъ, въ силу обстоятельствъ, если и не самихъ Раневскихъ, то потомство ихъ, волей-неволей приниматься за дѣло. Лопахины покупаютъ эти имѣнія, гдѣ отцы и дѣды ихъ были рабами. Они сносятъ вѣковыя усадьбы, вырубаютъ заповѣдныя рощи, въ которыхъ прежніе родовитые владѣльцы предавались безшабашнымъ кутежамъ, возмутительнымъ оргіямъ разврата. Тамъ, эти Лопахины, равнодушно разрушая нѣмыхъ свидѣтелей былого величія, созидаютъ теперь новую жизнь, своимъ внукамъ и правнукамъ.

Нарождаются новые люди—Трофимовы. Они свободны, сильны и горды, презирають власть денегъ. Они стремятся къ высшей правдѣ, къ высшему счастью, какое только возможно на землѣ; берутся и другимъ указать путь къ этому счастью...

Поручикъ Тузенбахъ, въ драмѣ «Три сестры», говоритъ:—«Тоска по трудѣ, о Божей мой, какъ она мнѣ понятна! Я не работалъ ни разу въ жизни. Родился я въ Петербургѣ, холодномъ и праздномъ, въ семьѣ, которая никогда не знала труда и никакихъ заботъ.

Помню, когда я пріѣзжалъ домой изъ корпуса, то лакей стаскивалъ съ меня сапоги, я капризничалъ въ это время, а моя мать смотрѣла на меня съ благоговѣніемъ и удивлялась, когда другіе на меня смотрѣли иначе. Меня оберегали отъ труда. Только едвали-ли удалось уберечь, едва-ли! Пришло время, надвигается на всѣхъ насъ громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идетъ, уже близка и скоро сдунетъ съ нашего общества лѣнь, равнодушіе, предубѣжденіе къ труду, гнилую скуку. Я буду работать, а черезъ какія нибудь 25—30 лѣтъ работать будетъ уже каждый человѣкъ. Каждый!...»

— «Настоящее противно, но зато, когда я думаю о будущемъ,—то какъ хорошо! Становится такъ легко, такъ просторно; и вдали забрезжетъ

свѣтъ, я вижу свободу, я вижу, какъ я и дѣти мои становимся свободны отъ праздности, отъ кваса, отъ гуся съ капустой, отъ сна послѣ обѣда, отъ подлаго тунеядства»...

Такъ, въ послѣднемъ дѣйствіи той же драмы, словами Прозорова, авторъ высказываетъ свои надежды и, *вопреки всѣмъ, признающимъ его за безнадежнаго пессимиста, твердо вѣритъ въ грядущее обновленіе.*

Прочтите, наконецъ, заключительную сцену «Дяди Вани», въ которой племянница его, Соня, взываетъ къ этому страдальцу. Она сулитъ ему жизнь тихую, нѣжную, сладкую, какъ ласка, ту жизнь, гдѣ все зло земное, всѣ страданія потонутъ въ милосердіи, наполнившимъ собою весь міръ. Это уже вѣра религіи, горячая вѣра въ Бога!..

И въ области театра чувствуются новыя вѣянія, новыя формы «чеховскихъ настроеній». Суждено ли имъ завоевать прочное положеніе на сценѣ, окажетъ ли Чеховъ вліяніе на слѣдующихъ за нимъ драматурговъ—вопросъ, разрѣшеніе коего не за горами. Фонвизинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь, преобразователь русскаго театра,—Островскій, никогда не потеряютъ интереса, какъ историческіе памятники русской жизни, минувшихъ столѣтій.

А. К. Толстой, давшій великолѣпную трилогію «Смерть Іоанна Грознаго», «Царь Ѳеодоръ Іоан-

новичъ» и «Борисъ Годуновъ», Левъ Толстой, съ «Плодами просвѣщенія» и «Властью тьмы», Сухово-Кобылинъ, запечатлѣвшій безподобно дореформенное чиновничество, Потѣхинъ, еще нѣсколько именъ и постоянный, основной репертуаръ русской драмы исчерпанъ. Всѣ остальные имѣютъ значеніе преходящее, сезонное и лишь немногіе отражатели современной жизни на сценѣ, удержатся въ памяти потомства, какъ лучшіе образцы. Попадетъ ли Чеховъ въ число этихъ «немногихъ»?

Во всякомъ случаѣ, его «Дядя Ваня» не долженъ исчезнуть безслѣдно. Эта пьеса съ наиболѣе законченнымъ сюжетомъ. Въ ней мастерски разработаны психологическіе моменты и общій тонъ выдержанъ до конца.

Пьесы Чехова выхвачены прямо изъ жизни. Въ нихъ нѣтъ крикливыхъ, вычурныхъ положеній, разсчитанныхъ на дешевый эффектъ, притянутыхъ за волосы; нѣтъ ходульныхъ героевъ, воплощающихъ въ себѣ всѣ злодѣйскіе инстинкты или, наоборотъ, неземныя добродѣтели, готовыя на изумительныя подвиги.

Дѣйствующія лица Чехова—Ивановы, Львовы, Войницкіе, Астровы, Серебряковы, Тригорины, Треплевы, Вершинины и пр.—все тѣ-же срединные, сѣренькіе, усталые люди, близко намъ знакомые и потому понятные.

III.

Большая критика не сразу оцѣнила Чехова по достоинству. Вначалѣ приглядывались, видя въ немъ второго Лейкина, не больше. Когда, наконецъ, разсмотрѣли его величину,— посыпались на него упреки въ томъ, что каждый комментаторъ старался выискать: *Въ отсутствіи общей идеи, въ тенденціозности, человѣконенавистничествѣ, объективизмѣ, націонализмѣ, марксизмѣ, безутѣшномъ и безнадежномъ пессимизмѣ, пессимистическомъ идеализмѣ, оптимистическомъ пантеизмѣ, безжизненномъ оптимизмѣ, нравственномъ индиферентизмѣ, моральномъ атеизмѣ!!!* . . . . . Цѣлая фаланга «измовъ»,—столь разнорѣчивыхъ понятій, взятыхъ на прокатъ, изъ научной терминологіи. Должно быть, сильно рябило въ глазахъ у Чехова,

когда онъ читалъ эти смѣлыя опредѣленія его внутренняго міра!

Отчего это происходило? Не потому ли, что Чеховъ не хотѣлъ никому угождать, не принималъ ничьихъ направленій, не примыкалъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ партіямъ и кружкамъ, мертвящимъ чистое искусство, а держался особнякомъ, поступалъ такъ, какъ подсказывала совѣсть, художественное чутье.

Чеховъ—эта воплощенная доброта и скромность—человѣконенавистникъ! Какой вздоръ!

О немъ, напримѣръ, писалъ тогда г. Михайловскій:—«Не знаю зрѣлища, болѣе печальнаго, чѣмъ этотъ, даромъ пропадающій талантъ» . . . «Чеховъ съ холодною кровью пописываетъ, а читатель съ холодною кровью почитываетъ».

Его укоряли, зачѣмъ онъ не далъ ни одного сильнаго героя-побѣдителя жизни, называли его «жертвой безвременья» и т. д. Г. Скабичевскій долго не признавалъ заслугъ Чехова, считая его безпринципнымъ писателемъ.

Критика терзала Чехова. Публика зачитывалась имъ.

Прямое назначеніе критики—идти навстрѣчу писателю, поддерживать, раздувать въ немъ малѣйшую искру дарованія, а не извергать громы небесные, съ высоты литературнаго Олимпа и, тѣмъ

самымъ, подрывать энергію, вѣру въ себя и свои силы.

Положимъ, не Чеховъ первый, не онъ и послѣдній. Ни одинъ писатель не избѣгалъ грозовыхъ стрѣлъ и каждый получалъ приличное количество пораненій.

Бываютъ случаи похуже, когда начинаетъ заявлять о себѣ *«ругательная»* критика, когда надъ авторомъ издѣваются и глумятся, изобрѣтая сомнительнаго качества остроты, отдающія ароматомъ дворницкой.

Обыкновенно, этотъ пріемъ *критическаго разбора* возникаетъ на почвѣ полемики двухъ враждебныхъ лагерей, когда критика облекается въ форму бдительнаго стража, готоваго ежеминутно къ исполненію своихъ обязанностей «тащить и не пущать».

Но, талантъ Чехова былъ силенъ, онъ твердо стоялъ на своемъ пути, продолжалъ благотворную работу и совершенствовался. Эта устойчивость возымѣла свое дѣйствіе. О немъ заговорили шумно, восторженно, раздались рукоплесканія. Въ этомъ смыслѣ, если не ошибаюсь, г. Буренинъ первымъ замолвилъ слово о Чеховѣ. И г. Михайловскій, наряду съ прочими критиками, измѣнилъ свои сужденія, и г. Скабичевскій, отдавая Чехову одно изъ первыхъ мѣстъ въ современной белле-